

Научная статья

УДК 32.001

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_54

Общественный идеал в социально-политической мысли России периода Великих реформ

Б. А. Прокудин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
probor@bk.ru

Аннотация. В этой статье предпринята попытка охарактеризовать концепции общественного идеала, разработанные в рамках русской социально-политической мысли различных идеологических направлений XIX в. В период Великих реформ русскими мыслителями начинают вырабатываться концепции общественного идеала, которые становятся системообразующим элементом для создания целостных социально-политических учений. С помощью историко-политологического анализа автором рассмотрены основные «типы» социальных идеалов либерализма, консерватизма и радикализма.

Ключевые слова: русская социально-политическая мысль, либерализм, консерватизм, радикализм, политические идеологии

Для цитирования: Прокудин Б. А. Общественный идеал в социально-политической мысли России периода Великих реформ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 54–61. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_54

Original article

The Social Ideal in the Socio-Political Thought of Russia During The Period of Great Reforms

Boris A. Prokudin

Lomonosov State University, Moscow, Russia
probor@bk.ru

Abstract. This article attempts to characterize the concepts of the social ideal developed within the framework of Russian socio-political thought of various ideological directions of the XIX century. During the period of Great Reforms, Russian thinkers begin to develop concepts of the social ideal, which become the system-forming element for the creation of holistic socio-political teachings. With the help of historical and political analysis, the author considers the main “types” of social ideals of liberalism, conservatism and radicalism.

Keywords: Russian socio-political thought, liberalism, conservatism, radicalism, political ideologies

For citation: Prokudin, B. A. (2022). The social ideal in the socio-political thought of Russia during the period of Great Reforms. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 54–61. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_54

ВВЕДЕНИЕ

Принято считать, что период с начала подготовки Великих реформ до конца столетия является отдельным этапом в процессе формирования общественного идеала в русской мысли. С этого времени мы можем говорить о том, что в работах видных деятелей разных направлений русской мысли, чаще всего представленных в журнальных полемических статьях, формулируются модели идеального устройства, определяются средства достижения провозглашаемого общественного идеала и выявляются движущие силы, которые могут позволить проект этого общественного идеала осуществить. В этот период в России возникают «зародыши» идеологий политических партий, сыгравших важнейшую роль в исторических событиях начала XX в.

ЛИБЕРАЛИЗМ

Либерализм второй половины XIX в. называют «классическим». Благодаря общественной деятельности и трудам представителей «государственной школы», прежде всего, К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, отечественный либерализм сформировался как целостное учение. Кроме них в числе видных представителей либерального направления этого времени следует назвать М. М. Стасюлевича, А. Д. Градовского, А. Н. Пыпина и К. К. Арсеньева. Тема общественного идеала оказалась в центре внимания либеральных мыслителей в 1860–1880-е годы.

В связи с низким уровнем образования в России XIX века одной из отличительных черт русского либерализма было недоверие к демократии, которая представляет собой, по преимуществу, «господство черни». Поэтому миссию выработки общественного идеала в период Великих реформ либералы возлагали прежде всего на дворянство, ближе к концу века – на «русскую национальную интеллигенцию», включавшую уже многочисленных представителей образованных разночинцев.

Нередко у отдельных представителей либерального движения с такими взглядами соединялось крайнее недоверие и даже пренебрежение «к верованиям и понятиям народной массы», не проявившей, с их точки зрения, должного стремления к ценностям европейской цивилизации после отмены крепостного права. Например, в статье «Народность и прогресс» (1882) В. И. Герье, сетуя на патриархальную составляющую русской жизни, говорил, что народ в большинстве своем представляет собой «пассивный материал, над которым <...> приходится много работать, но который сам помогает

<...> очень мало и не принимает до сих пор никакой определенной формы» [Герье, 1882, с. 244].

Особое отторжение вызывали у либералов идеи русской самобытности. В споре с западниками, начавшемся еще в 1830-е годы, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, И. В. Киреевский и другие славянофилы противопоставляли простой народ европеизированным дворянам, отвергали идеи Просвещения и впервые стали говорить, что Россия имеет собственный путь развития, не повторяя этапов развития западноевропейских стран. Источник русской самобытности они видели в православии, и в своих сочинениях пытались доказать, что миссия России состоит в том, чтобы привести человечество к истинной христианской вере. Именно идею о «национальной самостоятельности» и русской самобытности большинство либеральных мыслителей воспринимали как наиболее пагубную и противоречащую прогрессу, возможному только по европейскому образцу. «Таблица умножения и Ньютоновы законы тяготения, – писал либерал В. А. Гольцев, – не наши русские приобретения, но никто не предложит вновь доходить до них своим умом, как доходил до сотворения мира один из главных представителей нашей самобытности, знаменитый Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин» [Гольцев, 1891, с. 62].

В центре социально-политической проблематики либеральной публицистики находится тема человека и творческих способностей личности, как главного действующего лица «исторической жизни» [Кавелин, 1989а, с. 22]. А важнейшим признаком личности либеральные мыслители считали свободу, обусловленную как внутренними, так и внешними, социальными факторами. Поэтому в политической мысли они были последовательными защитниками свободы человека.

Однако позиция в отношении свободы личности в рамках общественного идеала имела свои слабости и противоречия. Так, полагая, что абсолютная свобода чревата анархией, и крайний индивидуализм в своем отрицании любой власти так же плох, как и поглощение человека обществом, либералы искали компромисса. Как писал Чичерин: «Задача состоит в гармоническом соглашении тех двух противоположных элементов, из которых складывается общежитие: личности и общества. Это та идея, которая составляет конечную цель общественного развития; идеал представляет ту или другую форму осуществления этой идеи. Поэтому не может быть идеалом ни чистый индивидуализм, отрицающий всякую общественную власть <...> ни социализм, всецело поглощающий лицо в обществе» [Чичерин, 1998, с. 77–78]. И это «гармоничное соглашение» может быть реализовано

только в рамках правового государства. Поэтому в общественном идеале либералов появлялись идеи конституционного устройства.

Впрочем, отношение либералов к вопросу о своевременности конституции для России не было однозначным. Наиболее резко сомнение в целесообразности модернизации политической системы в 1950–1960-х годах высказывал Кавелин, уверенный, что ограничение самодержавия неизбежно приведет к революции, а конституционный порядок в отсутствие для него социальной базы неизменно окажется сословно-олигархическим. Кроме того, общество, по мнению Кавелина, «должно сперва переродиться, чтобы политические гарантии не обратились в театральные декорации, в намалеванные кулисы, ничего не значащие, ничего не стоящие» [Кавелин, 1989б, с. 153]. Реализацию принципа приоритета права либералы связывали с идеей сильного монархического государства, стоящего выше сословных интересов. «Теоретическое воплощение идея “сильного государства” получила в концепциях “мужицкого царства” Кавелина, “правовой монархии” Чичерина» [Чиркова, 2002, с. 40].

Либеральные мыслители верили в исторический прогресс, они полагали, что создание идеального (или близкого к идеалу) общества в реальном мире вполне возможно. И утверждение общественного идеала они понимали как результат деятельности активных людей.

Желание либеральных мыслителей подчеркнуть конкретность и практическую достижимость своего общественного идеала стало причиной большой дискуссии в начале 1880-х годов. Поводом к ее началу послужила Пушкинская речь Достоевского, где он утверждал, что «идеал гражданского устройства <...> есть единственно только продукт нравственного самосовершенствования единиц» [Достоевский, 1984, с. 165]. Наиболее активно в дискуссию вступили Градовский и Кавелин. Так, Градовский, оппонировав Достоевскому, утверждал, что «общественное совершенство людей зависит от совершенства общественных учреждений, воспитывающих в человеке если не христианские, то гражданские доблести» (А. Д. Градовский. *Голос*, № 174, 1880). В то же время Кавелин высказал еще более радикальную мысль, что «нравственность и общественные идеи, идеалы личные и идеалы общественные не имеют между собою ничего общего, и что из их смешения может произойти только путаница и хаос». Так, «нравственность» – это «факт чисто личный», поэтому «гражданские идеи зарождаются отнюдь не из нравственного самосовершенствования людей, а из практической, реальной необходимости устроить их сожителство в обществе так, чтоб всем и каждому

из них было по возможности безопасно, спокойно, свободно и вообще хорошо жить и заниматься своим делом» [Кавелин, 1880, с. 454].

Наконец, отметим важную особенность общественного идеала в либеральной мысли, состоявшую в том, что «гражданские идеи», о которых говорил Кавелин, его соратники рассматривали как идеи универсальные. «Истинный идеал, – писал Чичерин, – не может быть национальным. Понятие о наилучшем устройстве человеческого общежития вырабатывается общим сознанием человечества» [Чичерин, 1998, с. 62].

Таким образом, ключевыми чертами общественного идеала в понимании либеральных мыслителей можно назвать его достижимость, умопостигаемость и универсальность.

КОНСЕРВАТИЗМ

Вторая половина XIX века – время расцвета консервативной мысли в России. Среди наиболее ярких представителей консервативного направления необходимо назвать представителей позднего славянофильства И. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина; «почвенников» Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова; авторов панславистских концепций Н. Я. Данилевского, В. И. Ламанского; идеолога византизма К. Н. Леонтьева; консервативного публициста М. Н. Каткова и автора концепции монархической государственности Л. А. Тихомирова. Русский пореформенный консерватизм XIX в. был неоднороден, однако наиболее общие черты общественного идеала у консерваторов второй половины XIX в. схожие.

Консервативные мыслители сущность и особенности общественного идеала, в отличие от либералов, рассматривали исключительно в этической или религиозной плоскости. Они были убеждены, что общественный идеал не является плодом интеллектуальной деятельности людей, не создается творческой элитой общества, которая рационально осмысливает потребности конкретного социума в конкретный исторический период. По мнению консерваторов, общественный идеал представляет собой реальность духовного порядка, которую невозможно постигнуть на рациональном уровне. И главное, идеал укоренен в народной почве.

Полемизируя с либеральными публицистами, убежденными, что единственный путь развития России – «в европейском просвещении», Достоевский писал: «Вы спросите: какие же могут быть у нас свои общественные и гражданские идеалы мимо Европы? Да, общественные и гражданские, и наши общественные идеалы – лучше ваших европейских,

крепче ваших и даже – о ужас! – либеральнее ваших! Да, либеральнее, потому что исходят прямо из организма народа нашего, а не лакейски безличная пересадка с Запада» [Достоевский, 1984, с. 169].

По Достоевскому, общественный идеал не создается путем рационального конструирования, он органично вырастает из духовной и материальной жизни русского народа. Интеллигенция в свою очередь может лишь выразить народный идеал, а никак не навязать народу свой «книжный» или «пересаженный с Запада».

Интеллигенцию, увлеченную рассудочными проектами переустройства общества и пытающуюся навязать народу «книжные» идеалы, критиковали все представители консервативной мысли. В работе «Как надо понимать сближение с народом» (1880) Леонтьев писал, что интеллигенция только может «навредить народу» своей просветительской деятельностью, «приучив к европейству» [Леонтьев, 1881, с. 8–9]. Критика оторванности интеллигенции от народной почвы была одной из любимых тем Каткова, который писал, что «наша интеллигенция имеет поверхностный, подражательный и космополитический характер; она не принадлежит своему народу и, оставляя его во тьме, сама остается без почвы» [Катков, 2009, с. 309].

Таким образом, задача образованного класса, по мнению консерваторов, состояла не в конструировании общественного идеала своим умом или по западным образцам, а в определении «народных начал», из которых состоит этот идеал, и поиску такой формы устройства общества, которая наиболее полно соответствовала бы «народным началам». Они были убеждены, что общественный идеал должен иметь национальный характер, поскольку «общечеловеческой цивилизации, – как писал Н. Я. Данилевский, – не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота» [Данилевский, 1991, с. 124].

А. А. Ширинянц, в работах которого представлен наиболее полный концептуальный анализ консервативной политической культуры русской интеллигенции XIX в., пишет, что самую последовательную систему ценностей и установок, ориентирующуюся на «народные начала» русского общества, во второй половине XIX в. представили так называемые почвенники Ф. М. Достоевский, А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов [Ширинянц 2002].

Одной из основных черт русского национального характера почвенники видели в отсутствие потребности заниматься политикой и бороться за свои политические права. Впервые эта идея была высказана К. С. Аксаковым в записке «О внутреннем состоянии России» (1855). По его мнению,

русский народ – есть народ, не стремящийся к государственной власти, не имеющий в себе зародышей «народного властолюбия», т. е. демократии [Аксаков, 2012, с. 54]. Но признавая неограниченную государственную власть, народ, по мысли Аксакова, стремится удержать за собой независимость духовной и хозяйственной жизни. Таким образом, власть в русском понимании является не врагом, а другом и защитником свободы, свободы духовной. Эту идею разделяли почвенники, а «всепримиримость» русской души они считали основой для бесконфликтного согласования интересов различных классов и сословий российского общества, их будущего единства.

Если в центре социально-политического творчества либералов стояла проблема человека как главного действующего лица «исторической жизни», то консервативные мыслители в большей степени апеллировали к интересам социального и национального целого, государственного блага. И если либеральные мыслители очень по-разному смотрели на перспективу конституционного правления в России, то консерваторы никогда не сомневались в необходимости самодержавной власти. Однако вопрос, какую роль государство должно играть в жизни народа, уже разрушал видимое их единство мнений.

Например, И. С. Аксаков, следуя в рассмотрении самодержавия как формы правления за братом, К. С. Аксаковым, называл современное ему бюрократическое правление «тиранией». «Действие самодержавия, – писал он, – простирается только на государство: вот его область. Но что лежит вне этой области (в нравственном смысле), лежит вне круга самодержавия. Если самодержавие переступает эти пределы, вторгаясь в сферу церковную и частную, вторгаясь в область личной совести и личной свободы человека, то оно переходит в уродство, становится узурпацией, тиранией. Так оно и есть в России со времен Петра» [Аксаков, 2002, с. 898].

Другой представитель славянофильства А. И. Кошелев в работе «Конституция, самодержавие и земская дума» (1862) предложил своеобразный «консервативный» конституционный проект, в соответствии с которым предполагался созыв земской думы в качестве совещательного органа. Славянофилов, сторонников «земского государства», критиковали монархисты М. Н. Катков, В. П. Мещерский, уверенные, что истинным выражением национального единства служит централизованная монархия, опирающаяся на доверие народа.

Главная идея, лежащая в основе позитивной программы преобразований, предложенной идеологами почвенничества, заключалась в «сближении образованных классов с народом». Она была сформулирована Достоевским в статье «Два

лагеря теоретиков» (1862). И чаемый Достоевским общественный идеал включал просвещение (грамотность) народа, уничтожение сословных перегородок, а также «нравственные преобразования как народа, так и самих образованных слоев» [Достоевский, 1980, с. 20]. «Перекликаясь с идеей “воспитания общества”, выдвинутой славянофилами, программа почвенников отличается от последней тем, что в ней не преобладает религиозное, “православное” начало» [Ширинянц, 2002, с. 159]. В отличие, скажем, от консервативной программы К. Н. Леонтьева, призывавшего, наоборот, отказаться от народного образования и «подморозить» Россию, славянофилы и почвенники хотели существенного изменения общественной жизни.

Как бы там ни было, любые реформы и преобразования, предложенные консервативными мыслителями, должны быть мирными, постепенными и соответствовать национальным традициям. Разрабатывая варианты общественного идеала, консерваторы стремились реабилитировать и актуализировать лучшие проявления традиционного устройства общества, в основе которого лежали, с их точки зрения, вечные духовные ценности и выработанные веками принципы общежития.

РАДИКАЛИЗМ

Третьим важнейшим направлением общественной мысли второй половины XIX в. был радикализм, который проявил себя в целом ряде социально-политических направлений. Установки радикализма были выражены в творчестве Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, которых называли «радикальными разночинцами», «революционными демократами», «нигилистами». Радикализм исповедался в эмигрантских печатных органах А. И. Герцена и Н. П. Огарева, а также в изданиях идеологов «революционного народничества» П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева. Наконец, в творчестве представителей легального народничества, прежде всего, Н. К. Михайловского.

Общий смысл русского социально-политического радикализма состоял в отрицании политических реалий России того времени и, в первую очередь, крепостничества. Но будучи едиными в критике самодержавного государства, его политических, социальных и экономических институтов, представители русского пореформенного радикализма имели разные представления в отношении перспектив общественного переустройства. Здесь важно сделать уточнение, что такие крупные мыслители и публицисты, как Чернышевский, Добролюбов и Писарев, считавшие себя материалистами, позитивистами,

разумными эгоистами, утилитаристами, а в своих работах выступавшие сторонниками коллективных форм труда, общинного землевладения и освобождения женщин, по цензурным соображениям не имели возможности высказывать свои представления об общественном идеале открыто и в их полноте. Поэтому, говоря о положительной программе русского радикализма, можно утверждать, что она была выражена идеологами народничества.

Основы народнической теории были заложены Герценом в статьях конца 1840 – начала 1850-х гг., в которых была разработана теория русского крестьянского социализма. Основная идея Герцена состояла в том, что социальной базой русской революции должно стать крестьянство. Герцен полагал, что русский народ легче других может принять социалистические идеи потому, что уже несколько столетий живет общинным хозяйством, в котором реализованы идеалы коллективизма, равенства и самоуправления. Вера в возможность крестьянского социализма и социальной революции, а также «идеализация» народа стали характерными чертами народнического мировоззрения. История народничества – большой период в истории России с момента появления теории Герцена до запрещения большевиками партии социалистов-революционеров в начале 1920-х гг.

Герцену принадлежит лидирующая роль в становлении народнической идеологии, но, создав теорию крестьянского социализма, сам он выступал против насильственной революции. Разработкой общественного идеала «революционного народничества» в большей степени занимались пребывавшие в эмиграции П. Л. Лавров, М. А. Бакунин и П. Н. Ткачев в 1870-е годы, рассчитывавшие на построенное нового справедливого общества после будущей крестьянской революции.

Несмотря на свойственную народникам идеализацию устоев народной жизни, вопрос, какую роль народ волен играть в процессе выработки общественного идеала, не имел единого ответа. Одно из главных положений анархистской теории Бакунина состояло в том, что народу нельзя навязывать ту или иную систему отношений, нужно создать ему условия для выявления его естественной жизни, естественной организации. Лавров же полагал, что основная роль в выработке общественного идеала принадлежит критически мыслящим личностям, интеллигенции. Он и его сторонники, будучи позитивистами, старались исходить из принципов строгой научности, в соответствии с этим они видели в общественном идеале не бесконечное стремление к абсолюту и универсальную норму поведения (как либералы), не духовную реальность (подобно консерваторам), а проект реально осуществимого общественного устройства, преимущества которого

научно доказаны. По мнению П. Л. Лаврова, подготовка к социальной революции должна осуществляться посредством длительной пропаганды социалистических идей в народе силами интеллигенции. П. Л. Лавров не исключал возможности стихийного бунта народных масс, к которому призывал М. А. Бакунин, или заговора, о котором говорил П. Н. Ткачев, но сомневался, что бунт и заговор без «развития знаний» приведут к социализму.

Наиболее четко об идеале будущего общества высказывался Лавров еще в работе «Исторические письма» (1868–1869), определяя, что можно считать прогрессивным развитием. Его «краткая формула» прогресса такова: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости» [Лавров, 2010, с. 81]. Как и все народники, П. Л. Лавров указывал на сельскую общину как на прообраз социалистического общества, считая ее идеальным типом общественного устройства, основанного на принципе справедливости и солидарности.

Как у мыслителей либерального и консервативного направлений русской социально-политической мысли второй половины XIX века, вопрос роли государства в жизни народа разрушал единство мнений в стане русских радикалов. Большинству народников идеальное будущее представлялось безгосударственным. В обществе, основанном на всеобщей солидарности, коллективной собственности и совместном труде, не нужна будет власть, основанная на принуждении.

Наиболее последовательную критику государства высказывал в своих работах Бакунин. По его мнению, без разрушения государства вообще невозможен никакой общественный прогресс. В качестве универсального принципа построения безгосударственного общества Бакунин предлагал федерацию свободных общин, которая должна была возникнуть на руинах централизованных государств. Однако с Бакуниным был не согласен П. Н. Ткачев, признававший анархию лишь «желательным “идеалом” отдаленного будущего». Он считал, что «анархия без предварительного практического осуществления

идей братства и равенства <...> лишь “хищническая борьба человека с человеком” ... “хаос противоречивых интересов” ... “господство индивидуализма, царство алчного, своекорыстного эгоизма”» [Ткачев, 2010, с. 459].

П. Н. Ткачев утверждал, что «цель революции должна заключаться в захвате политической власти, в создании революционного государства» [Ткачев, 2010, с. 459–460]. Но параллельно с революционно-разрушительной деятельностью должна идти революционно-устроительная деятельность, суть которой состоит в создании «органов народного представительства» [там же], которые должны санкционировать реформаторскую деятельность.

В 1880-е годы в народническом движении произошли изменения, часть его участников перешли на более умеренные позиции. Сложилось так называемое легальное народничество, которое представляли Н. К. Михайловский, П. П. Червинский, И. И. Каблиц и др. Печатаясь в России, они не обсуждали вопросов революции, однако продолжали утверждать выгоды общинного землевладения и коллективных форм труда.

Таким образом, радикальным отрицанием всего «отжившего» народники стремились разбить «основания старого порядка», построенного, по их мнению, на лжи и насилии. Этому порядку они противопоставляли идеал социалистического общества, прообраз которого они видели в крестьянской общине, существующей на принципах солидарности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, во второй половине XIX века в работах видных деятелей либерального, консервативного и радикального направлений русской мысли формулируются модели идеального устройства, определяются средства достижения провозглашаемого общественного идеала и выявляются движущие силы, которые могут позволить осуществить проект этого общественного идеала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Герье В. Народность и прогресс // Русская мысль. 1882. № 4. Отд. 1. С. 217–255.
2. Гольцев В. А. Идеалы и действительность // Вопросы философии и психологии. 1891. № 3 (год II, кн. 7). С. 57–68.
3. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Наш умственный строй. М. : Правда, 1989а. С. 11–68.
4. Чичерин Б. Н. Философия права. СПб. : Наука, 1998.
5. Кавелин К. Д. Дворянство и освобождение крестьян // Наш умственный строй. М. : Правда, 1989б. С. 124–158.
6. Чиркова Н. А. Общественный идеал в русской философской публицистике пореформенного периода (60–80 годы XIX века): дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2002.

7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя на 1880 г. // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. XXVI. Л. : Наука, 1984. С. 129–175.
8. Кавелин К. Д. Письмо Ф. М. Достоевскому // Вестник Европы. 1880. № 11. С. 431–456.
9. Леонтьев К. Н. Как надо понимать сближение с народом. М. : Типография Е. И. Погодиной, 1881.
10. Катков М. Н. «Русский народ» и Петербургская интеллигенция» (ответ Кавелину) // Идеология охранительства. М. : Институт русской цивилизации, 2009. С. 305–310.
11. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991.
12. Ширинянц А. А. Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. М. : Российская политическая энциклопедия, 2002.
13. Аксаков К. С. Записка К. С. Аксакова «о внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II в 1855 г. // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы. Хрестоматия. М. : Изд-во Московского университета, 2012. С. 56–79.
14. Аксаков И. С. Самодержавие не есть религиозная истина // Отчего так нелегко живется в России? Серия: Из истории отечественной философской жизни. М. : Российская политическая энциклопедия, 2002. С. 897–900.
15. Достоевский Ф. М. Два лагеря теоретиков. (По поводу «Дня» и кой-чего другого) // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. XX. Л. : Наука, 1980. С. 5–23.
16. Лавров П. Л. Исторические письма // Избранные труды. М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 41–297.
17. Ткачев П. Н. «Набат» (Программа журнала) // Избранное. М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 453–467.

REFERENCES

1. Ger'e, V. (1882). Narodnost' i progress = Nationality and progress. Russkaya mysl', 4(1), 217–255. (In Russ.)
2. Gol'cev, V. A. (1891). Idealy i dejstvitel'nost' = Ideals and reality. Voprosy filosofii i psikhologii, 3, 57–68. (In Russ.)
3. Kavelin, K. D. (1989a). Vzgl'yad na yuridicheskij byt drevnej Rossii = A look at the legal life of ancient Russia. Our mental structure (pp. 11–68). Moscow: Pravda. (In Russ.)
4. CHicherin, B. N. (1998). Filosofiya prava = Philosophy of law. St. Petersburg : Nauka.
5. Kavelin, K. D. (1989b). Dvoryanstvo i osvobozhdenie krest'yan = Nobility and the liberation of the peasants. Our mental structure (pp. 124–158). Moscow : Pravda. (In Russ.)
6. Chirkova, N. A. (2002). Obshchestvennyj ideal v russkoj filosofskoj publicistike poreformennogo perioda (60–80 rody XIX veka) = The social ideal in Russian philosophical journalism of the post-reform period (60–80 births of the XIX century): PhD in Philosophy. St. Petersburg. (In Russ.)
7. Dostoevskij, F. M. (1984). Dnevnik pisatelya na 1880 g. = Writer's diary for 1880. Polnoe sobranie sochinenij (vol. XXVI, pp. 129–175): in 30 vols. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
8. Kavelin, K. D. (1880). Pis'mo F.M. Dostoevskomu = Letter to F. M. Dostoevsky. Vestnik Evropy, 11, 431–456. (In Russ.)
9. Leont'ev, K. N. (1881). Kak nado ponimat' sblizhenie s narodom = How to understand the rapprochement with the people. Moscow : Tipografiya E. I. Pogodinoj.
10. Katkov, M. N. (2009). «Russkij narod» i Peterburgskaya intelligenciya» (otvet Kavelinu) = “Russian people” and the Petersburg intelligentsia” (answer to Kavelin). Ideologiya ohranitel'stva (pp. 305–310). Moscow : Institut russkoj civilizacii. (In Russ.)
11. Danilevskij, N. YA. (1991). Rossiya i Evropa = Russia and Europe. Moscow : Kniga. (In Russ.)
12. SHirinyanc, A. A. (2002). Vne vlasti i naroda. Politicheskaya kul'tura intelligencii Rossii XIX – nachala XX veka = Out of power and people. Political culture of the intelligentsia of Russia in the 19th – early 20th century. Moscow : Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)
13. Aksakov, K. S. (2012). Zapiska K. S. Aksakova «o vnutrennem sostojanii rossii», predstavlenaja gosudarju imperatoru Aleksandru II v 1855 g. = Note by K. S. Aksakov “on the internal state of Russia”, presented to the sovereign Emperor Alexander I in 1855. Russkaya social'no-politicheskaya mysl': 1850–1860-e gody (pp. 56–79). Hrestomatiya. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
14. Aksakov, I. S. (2002). Samoderzhavie ne est' religioznaya istina = Autocracy is not a religious truth. Otchego tak nelegko zhivetsya v Rossii? (pp. 897–900). Seriya: Iz istorii otechestvennoj filosofskoj zhizni. Moscow : ROSSPEN. (In Russ.)
15. Dostoevskij, F. M. (1980). Dva lagerya teoretikov. (Po povodu «Dnya» i koj-chego drugogo) = Two camps of theorists (pp. 5–23). Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah T. XX. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
16. Lavrov, P. L. (2010). Istoricheskie pis'ma = Historical letters. Izbrannye trudy (pp. 41–297). Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)
17. Tkachev, P. N. (2010). Nabat (Programma zhurnala) = Nabat (Magazine program) (pp. 453–467). Izbrannoe. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прокудин Борис Александрович

кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Prokudin Boris Aleksandrovich

PhD (Political Science), Associate Prof. of the Department of the History of Social and Political Doctrines
Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию 23.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 23.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 14.06.2022